

МНЕ ПРАВИТСЯ БЫТЬ АНГЛИЧАНИНОМ

«Впадение в гениальность»

Независимая газ. - 1993 - Яюкт.-с.7.

Джон Фаулз

Мастер

...Я УЧИЛСЯ в привилегированной частной школе, где применялись телесные наказания, был старостой. В мои обязанности входило наказывать нарушителей дисциплины. Да простит мне Бог то, что я собственноручно сек их розгами. Мальчики реагировали на это по-разному. Одни пожимали плечами и улыбались мне в лицо (это было вполне в духе той системы воспитания: провинился — неси наказание достойно). Другие — их было довольно много — плакали, страдая от унижения и страха. К моему вечному стыду, я ни разу не восстал против этой ужасной системы и не пошел к директору с протестом. Частная школа для привилегированных детей — это анахронизм. Может быть, когда-нибудь я об этом напишу. Это были 40-е годы. Тогда мы узнавали об ужасах концлагерей. Страшно подумать, что в то время, когда Англия вела войну с Германией, чтобы прекратить насилие, она поощряла телесные наказания у себя дома. Это открытие навсегда поселило в моей душе ненависть и недоверие к властям и вообще иерархии. Я ненавижу любые попытки навязать людям свою волю.

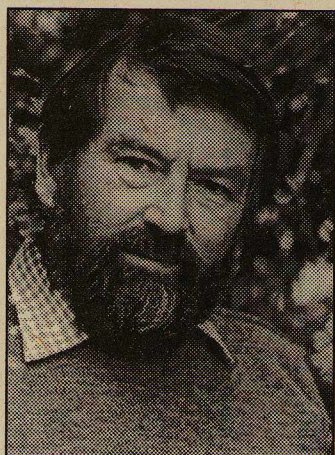
Я считаю себя не столько британским, сколько европейским писателем. Я вообще не люблю Англию, ту Англию, в которую она превратилась... Но мне нравится быть англичанином. К моему большому сожалению, из-за пуританства в Англии все, что доставляет удовольствие, считается грехом. Это напрочь испортило и наши любовные отношения, и нашу национальную кухню. И даже удовольствие от общения с искусством. В одной церкви на севере Англии я слышал похвалы священнику за то, что он читал монотонно и безо всякого энтузиазма.

...В моей библиотеке есть порнографические книжки. Особенно я ценю порнографию XVIII века, например де Сада. Я всячески поощряю эротическую литературу и считаю, что каждый должен отдать дань любви и сексу, получив свою долю удовольствия. Но я против полной сексуальной свободы и отсутствия морали. Эротика дарит нам прекрасные ощущения. Самое прекрасное в эротике то, что в нормальных условиях — это наслаждение для двоих. В этом смысле я скорее француз, чем англичанин. Мне нравится, что французы всегда открыты эротическим ощущениям.

...Я ненавижу мужской шовинизм. Для меня женщина ассоциируется с природой и естественностью, а мужчина — с неискренностью и искусственностью. Женщины в моей жизни значили гораздо больше, чем мужчины. Женщина — существо более тонкое. Она способна понять такие нюансы человеческих отношений, которые мужчинам совершенно недоступны. Женщина обладает мистическим знанием. В моих книгах именно ей отведена роль духовного наставника. Но

Джон Фаулз родился в Эссексе в 1926 году, окончил Оксфорд, где специализировался на изучении французского и немецкого языков. Преподавал во Франции. С 1963 года — профессиональный писатель. Первый же опубликованный роман — «Коллекционер» — принес ему мировую славу. Роман издан в 14 странах и экранизирован. «Магус»* — роман, изданный в 1966 году, награжден премиями Британского общества книголюбителей и Американской гильдии литераторов. Роман «Женщина французского лейтенанта» также стал бестселлером и был экранизирован.

Сейчас Фаулз живет в Дорсете, на юге Англии, где до недавнего времени заведовал местным краеведческим музеем.

феминизм часто переходит всякие границы... Например, американский. Я не очень хорошо знаю природу с научной точки зрения, для меня гораздо важнее чувственное восприятие, те эмоции, которые природа способна вызывать. Я бы даже не хотел быть специалистом-естественником — это заморило бы восприятие многообразия природы. Я плохо понимаю физику и микробиологию, но бабочек и птиц я понимаю хорошо. Это понимание я и использовал в романе «Коллекционер». Я знаю, что многие люди не одобряют охоту, но для меня нет большего удовольствия, чем сидеть в засаде на уток на утренней или вечерней заре. Еще одно удовольствие (которого я стесняюсь) — это бой быков. Меня бой быков возбуждает...

...Часто при непосредственном контакте с людьми я теряюсь и не могу защитить свою точку зрения. Наверное, поэтому я и стал писателем. Если бы меня попросили выбрать среди подростков потенциального писателя, я бы выбрал застенчивого мальчика или девочку, которые сдоятся в споре, а потом про себя повторяют все аргументы, которые они могли бы привести.

...В каком-то смысле литература похожа на религию, которая организует и систематизирует человеческий опыт. Кроме того, писатели — прекрасные хроникеры и аналитики своего времени. То, что писатели говорят о мире, возможно, не имеет журналистской ценности, но побуждает думающего человека остановиться и оглянуться. В этом смысле роман может изменить политическую и социальную обстановку в обществе. Я с подозрением отношусь к писателям, которые открыто не выражают собственного отношения к политике, сексу, пуританству и т.д. Мне нравится, когда писатель четко выражает свои воззрения. Впрочем, какие бы взгляды вы ни утверждали, всегда

найдется кто-то, кто сумеет их опровергнуть. Эта функция — важная часть любого художественного произведения: умение влиять на умы и чувства людей. Причем второе важнее, чем первое. Писатели — это инструменты для пробуждения чувств. Писатель не только сам способен тонко чувствовать, но и выражать свои чувства в литературной форме. Поэзия в этом смысле является совершенным выражением чувств.

...Всю жизнь я считал, что поэзия — это вершина всех искусств. Мне кажется, что в минуту откровенности каждый писатель признается, что хотел бы быть поэтом. Поэзия предполагает совершенное владение языком. В нашем веке в англоязычной поэзии есть два гиганта, которым я поклоняюсь. Это Элиот и Филипп Ларкин. Я их часто цитирую, как Библию.

...Современная философия не привлекает меня. Деконструктивизм меня отталкивает. Я восхищаюсь древними греками, особенно Сократом. Я помню, как в Оксфорде я начал читать Сартра и швырнул книгу на пол. Если мир таков, каким его изображает Сартр, я не хочу в нем жить.

...Каждый писатель должен вести дневник. Точность информации не так уж важна, но важно тренироваться в употреблении слов. В дневнике вы можете как угодно безжалостно описывать своих знакомых или, наоборот, восхищаться ими без стеснения. Это прекрасный способ языковой тренировки.

...Романы не приходят сразу большими кусками, они приходят как обрывки разных мыслей и идей.

...«Женщина французского лейтенанта» началась с видения женщины на набережной. Я еще не знал, что это за женщина и где эта набережная. Она очень скупо охарактеризована и в романе. Но ведь чем меньше о ком-то сказано, тем больше простора для воображения. Пока писался роман, я еще не знал, как он закончится. Но мне было ясно, что у него не может быть традиционного викторианского конца. Потом я подумал, почему бы мне не сделать сверхъестественный конец. Мы все волшебники и волхвы. Каждый из нас пишет свой роман, представляя разные варианты собственной жизни.

...Написать роман — все равно, что вырастить дерево: обстригаешь ветки, удобряешь, поливаешь. Но вместе с тем ты позволяешь дереву расти, как ему захочется, в соответствии с его собственной натурой и возможностями. Это же относится и к ко всей моей жизни — я не форсирую процесс, как писать и писать ли вообще. Я

считаю, что иногда нужно оставлять поле «под паром». У писателя должен быть период, когда он думает, переоценивает ценности. Когда мне не пишется, я не волнуюсь. Это значит, что мой мозг находится «под паром». Первую стадию создания романа я называю «дикой». У вас есть идея и появляется желание писать. На этой стадии нужно писать не переставая. Неважно, что потом придется многое уничтожить. На этой стадии писатель чувствует себя гениальным и дает полный простор своему творческому потенциалу. Потом уже наступает период, когда надо превратиться в «строгую учительницу» по отношению к собственному тексту. Вот почему это процесс очень болезненный: нужно вычеркивать и вычеркивать, править и править. Иногда от целой страницы остается только одна фраза...

...Попытки подчинить роман каким бы то ни было правилам или втиснуть его в рамки политических и социальных теорий — это все равно, что пытаться удержать дикое животное в клетке. Смысл искусства именно в опрокидывании любых правил. Роман не может изменить мир (в прямом смысле), но я свято верю, что он может влиять на человеческие чувства.

...В процессе творчества вы как бы владеете временем, заключенным в вашем воображении. Вы переживаете волшебные мгновения, когда сознание как бы взмывает над миром. Нечто похожее, вероятно, испытывают наркоманы. Вы ощущаете полную свободу — вы можете все, что захотите. Я называю это состоянием «впадения в гениальность». Такие состояния очень ценны и необходимы для писателя, но и стадия «строгую учительницу» тоже нужна.

...«Магуса» я переписывал бесконечно — это продолжалось лет десять. Какое-то время я испытывал влияние Генри Джеймса и пытался ввести элемент сверхъестественного в роман. Я хотел показать в нем себя, каким бы я хотел быть. Я сокращал и редактировал роман, пока не понял бесполезность этого занятия. На каком-то этапе я почувствовал, что мне больше нечего добавить. Я считаю «Магуса» неудачей, хотя он принес мне известность.

...Я не люблю заканчивать книгу. Издание книги похоже на смерть. Это повергает меня в депрессию. Мне всегда казалось, что повремени я еще немного, и книга была бы еще лучше. Мой перфекционизм — это явление XVIII века, когда считали, что жизнь должна становиться все лучше и лучше. Сейчас никто в это не верит.

Записала и перевела Наталья ПЕРОВА Июль 1993 г. Кембридж *Роман «Волхв» («Магус») выходит в ближайшее время в издательстве «Независимой газеты» в переводе Бориса Кузьминского